

**«Я с ним по-русски, а он со мной – по-шведски»: о некоторых трудностях
передачи родного языка**

© 2017 Рингблом Наталия*

* PhD, Стокгольмский университет (Стокгольм, Швеция) nari@su.se

Аннотация. В связи с тем, что двуязычных детей в Европе становится всё больше, вопрос передачи родного языка является как никогда актуальным. В предыдущих работах нами была описана языковая политика в русских семьях в Швеции, Эстонии и на Кипре (Рингблом, Забродская, Карпава (2017)). Была отмечена необходимость описания не только семей, которым удалось воспитать двуязычного ребёнка, а также семей, где родительские начинания не привели к желаемым результатам (там же). В данной статье будут представлены результаты исследования, проведённого в Швеции в 2016 - 2017 годах с целью выявления родительских стратегий и лингвистических практик в русских семьях в Швеции. Особое внимание будет уделено семьям, где ребёнок по каким-либо причинам больше не говорит с родителями по-русски. Мы попытаемся понять причину такого поведения а также показать, как выглядит на практике ситуация общения с ребёнком, с которым мать говорит по-русски, а ребёнок отвечает по-шведски.

Ключевые слова: передача родного языка, двуязычие, Швеция, русский язык, шведский язык, инпут

**«I'm with him in Russian, and he with me - in Swedish»: about some difficulties
in the transfer of their native language**

© 2017 Ringblom Natalia*

Annotation. This study explores intergenerational language transmission in Russian-speaking families in Sweden. Written questionnaires, interviews and ethnolinguistic observations were used for data collection in order to explore whether Russian as L1 is transmitted to the second generation in Sweden. Language shift was investigated from a family perspective, since the family is believed to play a key function in language shift. We focus especially on the parental strategies and on the cases when the language was *not* transmitted to the second generation. Our results show that many parents speak Swedish to their children due to various pragmatic and practical reasons. Children do not see any need for learning Russian when they realize that they can communicate with their parents in Swedish. Though multilingualism and the maintenance of the Russian language are encouraged and the intentions of the parents are aimed at transmitting Russian, yet, Russian language transmission is not always the case if the parents are bilingual and when it is the case it means very hard work that not many parents are willing to take.

Keywords: Russian language transmission, bilingualism, Sweden, Russian language, Swedish, input

1. Введение. Как известно, в ситуации иммиграции семья часто становится единственным источником для изучения языка, поэтому важность семьи и того, что происходит в ней, трудно переоценить. Многие учёные и раньше поднимали вопрос, почему в некоторых семьях дети становятся двуязычными, тогда как в других – нет, а также почему некоторым представителям языковых меньшинств удаётся это начинание лучше, чем другим (см. например Okita, 2002). Личный опыт матерей и их «невидимая работа» заслуживают, безусловно, более тщательного описания и исследования (Okita, 2001; King 2013). По мнению Спольского, учёным необходимо смотреть на то, что происходит внутри каждой конкретной семьи (Spolsky 2012). Для того, чтобы

по-настоящему понять это, мало родительских опросников. Необходимы также интервью с родителями и наблюдения за их контактом с ребёнком.

Опираясь на теоретические положения в области языковой политики в семье (см работы Fogle & King, 2013; King et al 2008), в данной статье будет использован интегрированный подход к использованию языков на уровне отдельной семьи и тому, какие родительские стратегии приводят лишь к пассивному билингвизму. Несмотря на то, что практически все двуязычные семьи задают себе вопрос на каком языке (или языках) им следует разговаривать со своими детьми, далеко не все родители ставят перед собой целью воспитать двуязычного ребёнка. Многие не видят в этом необходимости и считают, что раз они живут в Швеции, ребёнок должен в первую очередь уметь говорить по-шведски. Если ребёнок захочет, то в более старшем возрасте он сможет самостоятельно выучить русский язык, для этого в Швеции существуют все возможности.

Однако большинство родителей все-таки хотят воспитать ребёнка двуязычным и желают при этом, чтобы ребёнок стал активным билингвом, а не пассивным, как это к сожалению часто происходит. В данной статье мы подробно рассмотрим вопрос, почему некоторым родителям всё-таки не удаётся воспитать ребёнка двуязычным, хотя они предпринимали для этого всё возможное.

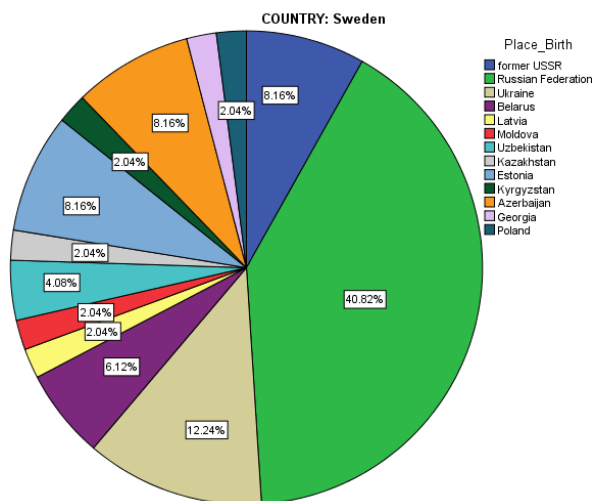
2. Методология. В данном исследовании приняли участие 49 матерей с детьми в возрасте от 6 до 17 лет. Материал включает в себя (1) опросники, содержащие информацию о социально-экономическом статусе родителей, использовании семьями языков, языковых практиках детей, толерантности новой страны проживания по отношению к другим культурам, советах родителям по поводу воспитания многоязычных детей и другие вопросы (Отwinowska и Карпова 2015), (2) устные полу структурированные интервью (Рингблом, Забродская и Карпова 2015), (3) этнографические наблюдения. Принимая во внимание многофакторность данной проблематики, родительские

опросники в сочетании с интервью и этнографическими наблюдениями, являются наиболее подходящей методологией для подобных исследований.

Все родительские интервью были протранскрибированы и были выделены основные темы, затронутые родителями. Одной из тем родителей, у которых не получилось передать ребёнку русский язык, были причины, по которым в данной конкретной ситуации это невозможно было сделать.

3. Результаты. 3.1. Информанты: презентация. Наши информанты – это в большинстве своём образованные женщины, проживающие в Швеции уже много лет (возможно причиной того является то, что в выборке приняли участие родители с детьми, возраст которых был минимум 6 лет и многие из этих детей уже родились в Швеции). Информанты в большинстве своём адаптировались в Швеции и чаще всего ассоциировали себя с двумя языками и двумя культурами. Однако, следует отметить, что не для всех семей русский язык был родным. Часто он являлся *одним* из родных языков, так как семьи были выходцами из нескольких республик бывшего Советского Союза (таблица 1):

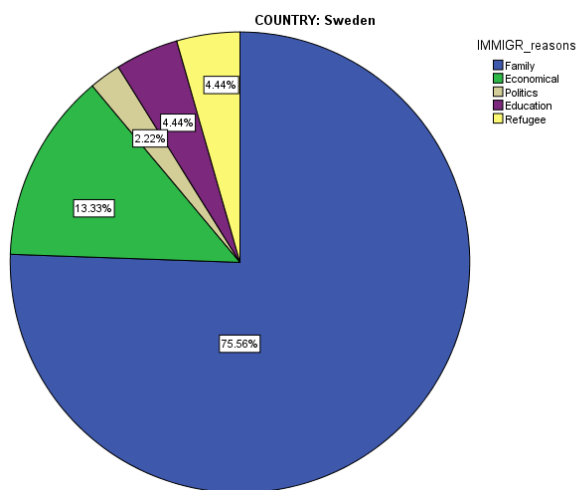
Таблица 1: Место рождения

Причины, по которым информанты оказались в Швеции, различны. Основной причиной переезда стала семья (75%). Экономические проблемы оказались на

втором месте (13%). Только 4% опрошенных были беженцами (таблица 2). Безусловно, следует учитывать тот факт, что не всегда легко распространить опросники среди беженцев, но основной же причиной является то, что в Швеции чрезвычайно трудно получить убежище выходцам из бывшего Советского Союза и такая цифра может вполне соответствовать действительности¹.

Таблица 2: Причина переезда в Швецию

В семьях было в основном один - два ребёнка. Однако встречались семьи и с тремя, а также с четырьмя детьми (таблица 3). Количество детей тоже влияло на передачу русского языка. Чаще всего родителям удавалось воспитать ребёнка двуязычным, пока в семье был только один ребёнок, однако это становилось намного труднее, когда у старшего ребёнка появлялись братья и сёстры и дети начинали говорить между собой по-шведски:

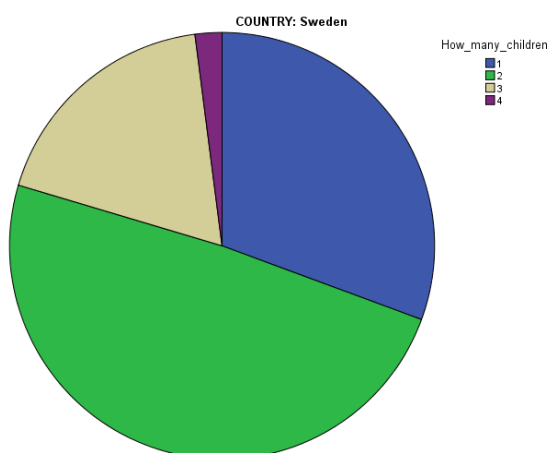
«Друг с другом они только по-шведски и так было всегда» (НФ, мать двоих детей).

Некоторые родители отмечали, что хотели обмануть своих старших детей, когда у них рождался младший брат или сестра, что малыш ещё не говорит по-шведски, однако такой трюк срабатывал недолго и довольно скоро дети переходили с малышом на шведский язык. *«Почему он не говорит со мной*

¹ <https://www.migrationsverket.se/Om-Migrationsverket/Statistik.html>

и почему он не отвечает?» - удивлялись дети и переходили на тот язык, на котором им самим было легче общаться.

Таблица 3: Количество детей в семье

3.2 Стратегии родителей. Одним из наиважнейших факторов успеха в передаче родного языка ребёнку являются чётко намеченные стратегии родителей. Как уже было отмечено раньше (Ronjat, 1913; Dörke 1992; Tannenbaum 2012), одной из самых эффективных стратегий является стратегия «один родитель – один язык». Такая стратегия подходит в тех случаях, когда у родителей разные родные языки; при этом родной язык одного из родителей – язык страны, а язык другого не является языком общения - в данном случае, в Швеции. Другая стратегия: «один язык — одна среда» (как правило, русский язык используется дома, шведский — на улице). Однако, такая стратегия не всегда успешна, особенно если ребёнок чувствует, что родители стесняются русского языка, когда выходят на улицу (Копчевская-Тамм 2000). Многие родители (особенно те, кто уже много лет живёт в Швеции) тоже смешивают языки в своей речи, что в свою очередь отражается на качестве инпута, получаемого ребёнком. Используя два языка одновременно, родители подают детям сигнал, что это допустимо (Lanza 2007).

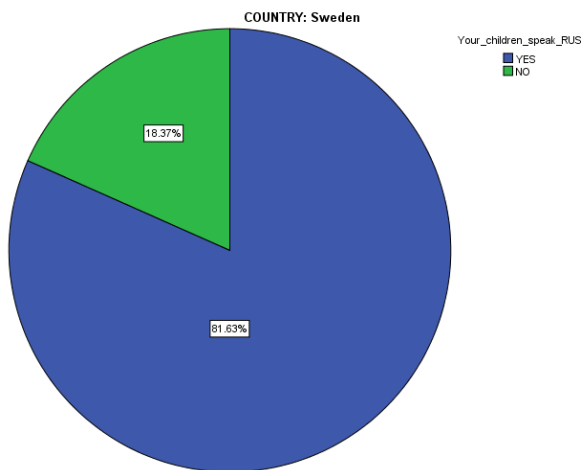
Несмотря на то, что выбор языка родителями является одним из самых главных факторов успеха в передаче родного языка ребёнку, не стоит забывать,

что выбор языка ребёнком тоже немаловажен. Отказ ребёнка говорить по-русски может привести к тому, что родители тоже будут вынуждены перейти на шведский язык. Большинство родителей отмечает, что они используют только русский язык с детьми – везде, во всех ситуациях. Однако, часто «все ситуации» распространяются лишь на домашнюю обстановку. Выходя на улицу, многие родители сами переходят на шведский язык. Переход на шведский происходит даже дома, тогда, когда рядом присутствует человек, не говорящий по-шведски.

Однако даже если родители используют русский язык с ребёнком во всех ситуациях дома, положение часто менялось, когда ребёнок начинал посещать детский сад, что в Швеции происходит рано, обычно, когда ребёнку исполняется полтора года. При поступлении в детский сад, контакт ребёнка со шведским языком увеличивается и он(а) начинает использовать его практически во всех ситуациях, что является естественным процессом, так как лингвистический опыт ребёнка и контексты использования одного из языков становятся намного шире (ср. Dörke 1992). Когда ребёнок учится в школе, даже сами родители часто используют шведский язык, помогая ребёнку с уроками, так как многие дети не владеют школьной терминологией по-русски и родителям становится трудно им объяснять. Родители отмечают, что чем старше становятся их дети, тем чаще они использовали шведский язык со своими друзьями, а также с братьями и сёстрами.

3.3. Почему некоторым дети отказываются говорить по-русски? На вопрос «*говорит ли Ваш ребёнок по-русски*», были получены следующие результаты: 81% говорят, тогда как 18% нет (см. табл. 4):

Таблица 4: Говорит ли Ваш ребёнок по-русски?

Из 81% говорящих, у многих детей очень ограниченный словарный запас и более того, у многих были отмечены только пассивные знания русского языка, то есть ребёнок всё понимал, но не мог самостоятельно разговаривать. Матери говорили с детьми по-русски, дети понимали то, о чём их спрашивали, но отвечали исключительно по-шведски. На практике это выглядело так:

- Почему мама-птица улетает?
- Att hämta mat [принести еду]
- Как чувствуют себя птенцы?
- Hungriga [голодные, голодными]
- Почему ты думаешь, что они проголодались?
- Näbben [клюв]
- Как чувствует себя кошка?
- Rädd [боится]
- Почему собака схватила кошку за хвост?
- För att katten tänkte ta fågelungarna [потому что кот хотел взять птенцов]

Цитата из эксперимента «Рассказ по картинкам»

(МФ, Мальчик, 5;6 лет)

На вопрос *отказываются ли дети говорить по-русски*, 25% опрошенных ответили «да». Чаще всего нежелание ребёнка было вызвано тем, что он ассоциирует себя со шведским языком и шведской культурой, а также с тем, что ему легче выразить мысль по-шведски. При этом матери всегда понимали то, что говорил ребёнок и несмотря на то, что они говорили с ребёнком по-

русски, они понимали обращённую к ним шведскую речь, давая тем самым ребёнку понять, что их устраивает подобное общение.

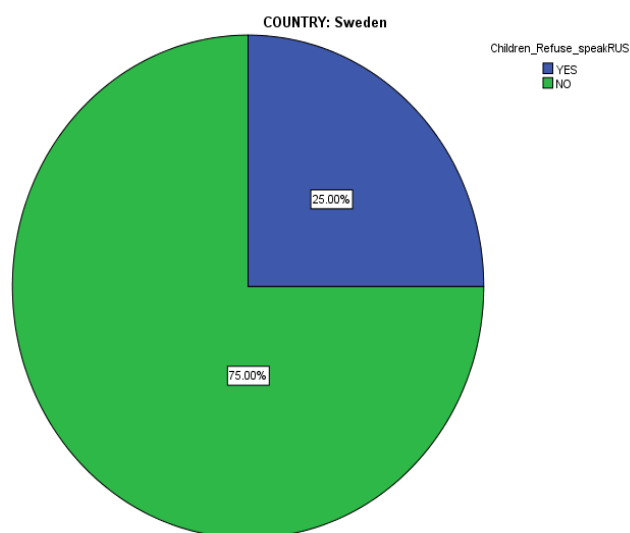
Однако не всем родителям подходит такая стратегия. Чаще всего, если ребёнок отказывается говорить по-русски, родители какое – то время говорили с ним по принципу ассиметричной коммуникации, но в конечном итоге тоже переходили на шведский язык. Иногда родители просили ребёнка повторить сказанное по-русски. Если это одно – два слова, то ребёнок часто повторял:

- Task! [спасибо]
- А по-русски как?
- Спасибо!

(МФ, Мальчик, 5;6 лет)

Однако более развёрнутые мысли ребёнку часто бывает трудно выразить по-русски. Было отмечено, что 25% детей вообще отказывались говорить по-русски (таблица 5).

Таблица 5: Отказывается ли Ваш ребёнок говорить по-русски?

Родители чаще всего называют нежелание самого ребёнка одной из основных причин: «Я с ним по-русски, а он со мной – по шведски, что я ещё могу сделать?»

Однако, несмотря на то, что по мнению родителей говорить по-русски отказывается сам ребёнок, чаще всего родители дают ребёнку сигнал, что их

устраивает подобное общение. Более того, есть и родители, которые не только разрешают ребёнку говорить по-шведски, но и сами начинают говорить по-шведски с ребёнком, вначале в присутствии других шведов, а потом и во всех ситуациях, когда видят, что у ребёнка в школе мало друзей, что он говорит по-шведски с акцентом и что ему трудно *”найти своё место в стране без такого же шведского, как у всех других”*. Еще в 1989 году Фишмэн отмечал, что когда язык большинства начинает использоваться дома, это означает «начало конца» (Fishman, 1989). Было отмечено, что переход на шведский язык происходил не только в семьях, где один из родителей был шведом, а также и в семьях, где оба родителя были иммигрантами (и где часто контакт со шведским языком ограничен).

Однако даже если родители не принимают решение перейти на шведский язык, большинство из них было озабочено тем, чтобы ребёнок не стал «чужим» в Швеции и поэтому старались создать как можно больше ситуаций для того, чтобы контакт ребёнка со шведским языком стал более частым. Для этого детей отдают в шведские детские сады, а также стараются найти кружки и секции на шведском языке. Все это в конечном итоге приводит к тому, что ребёнок получает еще меньше русского инпута. Нами и ранее было отмечено, что большинство родителей хотят помочь детям интегрироваться в шведском обществе и найти контакт с детьми – представителями мейнстрима (см. Рингблом, Забродская, Карпава 2017). Такое решение родителей в пользу стратегии ассимиляции и интеграции является совершенно оправданным, так как облегчает жизнь ребёнка в Швеции.

Если родители желают вырастить ребёнка билингвом, от них часто потребуются огромные усилия, к которым многие из них просто не готовы. У многих родителей (которые сами являются интегрированными в шведское общество) на поддержку русского языка не остаётся ни сил, ни времени, особенно если это второй ребёнок:

«Я старшей читала, у меня было столько книг, а здесь уже нет сил. Да, М... (обращается с ребёнку)... у мамы нет сил...»

(Нелли, мать двоих детей)²

Многие родители отмечают, как тяжело на практике поддерживать русский язык и если ситуация *не заставляет* ребёнка говорить по-русски, чтобы быть понятым самыми близкими друзьями и членами семьи, то функция русского языка сужается и язык становится для ребёнка «лишним». Даже сами родители иногда отмечают ненужность русского языка в тех случаях, когда ребёнку практически не с кем говорить на русском языке:

«А с кем нам говорить? У меня мама в Сибири живёт... 30 000 билет.....

не наездишься»

(Нелли, мать двоих детей)

«Нам и говорить –то тут по сути дела не с кем по-русски... разве что со мной... а мне и самой чаще уже легче что-то по-шведски сказать»...

(Елизавета, мать троих детей)

Когда в семье есть бабушка, сохранение русского языка практически всегда возможно, чтобы хоть каким-то образом осуществить коммуникацию с бабушкой. Кроме того, у бабушек часто находятся те силы и то время для чтения книг и прогулок с ребёнком, которого так не хватает постоянно работающим родителям.

Часто переход на шведский язык связан с тем, что у ребёнка появляется много шведский друзей или же друзей из других стран, языком которых ребёнок не владеет и шведский язык становится единственным возможным языком общения детей. При этом родители на работе, а бабушка и дедушка живут далеко и не могут часто. Подобные ситуации встречаются, безусловно, не только в Швеции и были описаны и ранее. Карсон и Экстра отмечают, что переход на английский язык у детей был связан с друзьями и в Ирландии (Carson & Extra, 2010: 49).

Заключение.

---

² Имена участников изменены

Чётко отмеченные стратегии родителей при передаче русского языка ребёнку обычно ассоциируются с успехом. Существует несколько причин, по которым ребёнок отказывается от использования русского языка. Основными же причинами являются следующие: (1) когда вне дома родители сами отказываются говорить с ребёнком по-русски и (2) недостаток наличия естественной языковой среды, что ведет к тому, что у ребёнка недостаёт лингвистических средств, чтобы объясниться достаточным образом. Недостаток лингвистических средств для передачи информации и для того, чтобы ребёнок мог объясниться так, как он сам бы этого хотел мы считаем самой основной причиной. Ребёнку не хватает лингвистических средств для того, что он хочет высказать или же ребёнок сам чувствует, что получается не так, как он хочет и выбирает путь наименьшего сопротивления, переходя на шведский язык.

В случае недостатка инпута родителям необходимы специальные усилия для обеспечения богатой языковой среды, на что у многих родителей нет ни времени, ни сил; и если нет рядом бабушек и дедушек, с кем можно говорить по-русски, передача русского языка второму поколению будет значительно затруднена.

Литература:

1. Carson, L. & Extra, G. (2010). Multilingualism in Dublin: Home Language Use Among Primary School Children. Report on a Pilot Survey. Dublin: Trinity College, Centre for Language and Communication Studies.
2. Fishman, J.A. (1989). Language and ethnicity in minority sociolinguistic perspective. *Multilingual Matters*. Clevedon, 1989. № 5.
3. Fogle, L., and King, K. A. (2013). Child Agency and Language Policy in Transnational Families. *Issues in Applied Linguistics* 19: 1–25.
4. King, K. A., Fogle, L. W. (2013). Family language policy and bilingual parenting. *Language Teaching*, 46(2), 172–194.
5. King, K., Fogle, L. and Logan-Terry, A. (2008). Family language policy. *Language and Linguistics Compass* 2 (5): 907–922.

6. Копчевская-Тамм, М. (2000). Об одной русско-шведской двуязычной семье: взгляд изнутри. Е. Протасова (ред.) *Русский + Хельсинки*, 105–114. Финляндская ассоциация русскоязычных обществ.
7. Okita, T. (2002). *Invisible work. Bilingualism, language choice and childrearing in intermarried families*. Amsterdam: John Benjamins.
8. Otwinowska, A and S. Karpava (2015). *MILD questionnaire: Migration, Identity and Language Discrimination/Diversity*. University of Warsaw and University of Central Lancashire, Cyprus.
9. Ringblom N., Karpava S., Zabrodskaja A. Russian language transmission and family language policy in Sweden, Cyprus and Estonia // Актуальные проблемы исследования массового сознания : Материалы 3-й Международной научно-практической конференции. Пенза: ПГУ. 2017. – С. 201-207.
10. Spolsky, B. (2012). Family language policy – the critical domain. *Journal of Multilingual and Multicultural Development* 33 (1): 3–11.
11. Tannenbaum, M. (2012). Family language policy as a form of coping or defence mechanism. *Journal of Multilingual*.

References:

1. Carson, L. & Extra, G. (2010). *Multilingualism in Dublin: Home Language Use Among Primary School Children. Report on a Pilot Survey*. Dublin: Trinity College, Centre for Language and Communication Studies.
2. Fishman, J.A. (1989). Language and ethnicity in minority sociolinguistic perspective. *Multilingual Matters*. Clevedon, 1989. # 5.
3. Fogle, L., and King, K. A. (2013). Child Agency and Language Policy in Transnational Families. *Issues in Applied linguistics* 19: 1–25.
4. King, K. A., Fogle, L. W. (2013). Family language policy and bilingualparenting. *Language Teaching*, 46(2), 172–194.
5. King, K., Fogle, L. and Logan-Terry, A. (2008). Family language policy. *Language and Linguistics Compass* 2 (5): 907–922.

6. Kopchevskaya-Tamm, M. (2000). Ob odnoy russko-shvedskoy dvuyazyichnoy seme: vzglyad iznutri. E. Protasova (red.) Russkiy Helsinki, 105–114. Finlyandskaya assotsiatsiya russkoyazyichnyih obschestv.
7. Okita, T. (2002). Invisible work. Bilingualism, language choice and childrearing in intermarried families. Amsterdam: John Benjamins.
8. Otwinowska, A and S. Karpava (2015). MILD questionnaire: Migration, Identity and Language Discrimination/Diversity. University of Warsaw and University of Central Lancashire, Cyprus.
9. Ringblom N., Karpava S., Zabrodskaja A. Russian language transmission and family language policy in Sweden, Cyprus and Estonia // Aktualnyie problemy issledovaniya masovogo soznaniya : Materialyi 3-y Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Penza: PGU. 2017. – S. 201-207.
10. Spolsky, B. (2012). Family language policy – the critical domain. Journal of Multilingual and Multicultural Development 33 (1): 3–11.
11. Tannenbaum, M. (2012). Family language policy as a form of coping or defence mechanism. Journal of Multilingual.